

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-183-201

© С. А. Б а т ю т о

КТО ЖЕ АВТОР СТАТЬИ «О ПУБЛИЦИСТАХ-ПОПУЛЯРИЗАТОРАХ И О ЕСТЕСТВОЗНАНИИ»? (К ИСТОРИИ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ)

В Архиве Дома Плеханова в РНБ (РНБ. АДП) в ф. 352 (И. С. Книжник-Ветров) найдены два варианта «Ответа» Книжника-Ветрова на рецензию Ф. И. Витязева в «Литературной газете». О рецензии Витязева, опубликованной по недосмотру корректора без подписи и потому невольно превратившейся в анонимную, см. недавнюю нашу публикацию.¹ Коротко скажем о двух «лавристах»-конкурентах — Ф. И. Седенко-Витязеве и И. С. Книжнике-Ветрове. Ферапонт Иванович Седенко (псевд. П. Витязев, Лаврист, Турист, Н. Е. Васюк, Сергей Круковский, Л. Асхабадов и др.; с 1933 года псевдоним Витязев превратился в его официальную фамилию) (1886–1938) — член партии социалистов-революционеров (с середины 1917 года вышел из ее рядов), литератор, известный исследователь творчества П. Л. Лаврова (с 1914 года), руководитель кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» (1918–1927), издательский деятель и библиограф, автор книги «Частные издательства в советской России» (Пг., 1921). При советской власти преследовался как бывший эсер, первый раз арестован по «Академическому делу» (в 1930 году), сослан в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (Белбалтлаг) на ст. Майгуба Мурманской ж. д., ввиду отсутствия доказательств дело было пересмотрено в 1931 году, получил «минус 12», жил в Нижнем Новгороде и Ульяновске, а с сентября 1933 года в Москве. Второй раз задержан 6 марта 1938 года и арестован 2 апреля того же года, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. Расстрелян 14 июня 1938 года в пос. Коммунарка Московской обл. Реабилитирован 18 июля 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР.

Иван Сергеевич Книжник-Ветров (наст. имя и фамилия — Израиль Самойлович (Соломонович) Бланк, 1878–1965) — анархист, быстро эволюционировавший в сторону большевиков; публицист, историк, библиограф. Автор книг «П. Л. Лавров. Его жизнь и труды» (1925), а также «П. Л. Лавров» (1930); введения, биографического очерка о Лаврове, а также библиографии в т. 1 «Избранных сочинений на социально-политические темы» в 8 т. П. Л. Лаврова (вышли только т. 1–4: М., 1934–1935).² В 1946 году главный библиотекарь Библиотеки Академии наук (БАН), доктор исторических наук.

Обратимся к статье «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», впервые опубликованной на страницах журнала «Современник»,³ подписанной псевдонимом «Ал. Угрюмов» и приписанной Книжником-Ветровым П. Л. Лаврову, что вызвало резкое несогласие с этой атрибуцией Ф. И. Витязева, который считал ее автором А. А. Жука.

В ней, в частности, читаем: «По некоторым обстоятельствам исторического развития современное состояние русской жизни и мысли еще не таково, чтобы направление общественного мнения могло быть признано действительным указателем тех

¹ Батюто С. А. «Анонимная» рецензия в «Литературной газете» // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 381–393.

² Другие работы: Систематический указатель литературы по общественным наукам. Коммунистическая и марксистская литература. 1917–1923; Пособие для библиотечарей, лекторов, членов марксистско-ленинских кружков и для самообразования. Пг., 1923; 2-е изд. под названием: Что читать по общественным наукам. Систематический указатель политической и марксистской литературы 1917–23 гг.: Пособие для библиотек, лекторов, членов марксистских кружков и для самообразования. Л., 1924; А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). Друг Ф. М. Достоевского, деятельница Парижской Коммуны. М., 1931, и др.

³ Угрюмов Ал. О публицистах-популяризаторах и о естествознании // Современник. 1865. № 9. С. 5–31.

необходимых потребностей, которые более всего должны бы обратить на себя внимание общества. Наше общество <...> еще не вполне освоилось с той мыслью, что знание и наука только тогда приносят существенную пользу и возбуждают к себе живой интерес, когда касаются именно тех вопросов, которые затрагивают существеннейшие интересы людей, когда они освещают темные углы общественного мирозерцания, содействуют развитию нравственного и материального благосостояния общества. <...>

На литературе лежит обязанность не только быть выразительницей, отголоском общественного мнения, но она должна также критически относиться к явлениям жизни и мысли общества, исследовать взаимную связь и зависимость их и указывать всякое ненормальное направление той и другой.

Цель нашей настоящей статьи и состоит в том, чтобы указать, насколько современное направление мыслей нашего образованного общества соответствует существенным потребностям его жизни.

Как в литературе, так и в частных разговорах в настоящее время обнаруживается сильная склонность к естествознанию...⁴

Очень важно, считал автор статьи, чтобы популяризацией знаний занимались не дилетанты, а специалисты в той или иной области научного знания. «В Западной Европе, вследствие высшего уровня цивилизации, каждая отрасль знаний имеет большее число деятелей, чем имеем мы; разделение научного труда развито сильнее, а потому там есть популяризаторы-специалисты — люди, по своим знаниям стоящие в уровень с развитием той науки, с которой они знакомят читателей при помощи своего таланта изложения; они сами принимают участие в обогащении этой науки ценными открытиями».⁵

Переходя к литературной критике, Ал. Угрюмов отмечает ее главную цель: «Уметь найти в огромной массе литературного хлама действительно драгоценные приобретения человеческого знания и указать на них обществу, — в этом состоит задача публициста-критика».⁶

В статье содержится острый выпад против Писарева, которого автор не называет по имени: «...они отрицают все, что, по их мнению, не приносит никакой пользы, например, они безусловно отрицают искусство и поэзию <...> многие из них с успехом могли бы красоваться на страницах хрестоматии г. Галахова,⁷ как образчики особого рода красноречия, именуемого „забористым“, — в них много соли, хотя не аттической <...> обилие в них цветов красноречия, несомненно, доказывается тем, что даже один из авторов их наречен лестным именем „лучшего цветка“ в рядах российской словесности...». И далее: «...нашим реалистам, или, точнее, лжереалистам, в большинстве случаев знакомы только обрывки науки, факты, имеющие какой-нибудь веселенький оттенок, а между тем реалистические повадки уже овладели ими, они считают себя вправе свысока смотреть на всякое знание, не внесенное ими в программу естественных наук».⁸

(Как не вспомнить в этой связи нигилиста Базарова (кстати, естественника и лекаря по роду своих занятий), отрицавшего искусство и поэзию как никчемные и не нужные человеку.)

В заключение автор делает вывод: «...естественные науки — в том виде, в каком они изучаются нашим обществом — не могут служить человеку руководящей нитью

⁴ Цит. по: *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. / Под общ. ред. И. А. Теодоровича. М., 1934. Т. 1. 1857–1871 / Вступ. статья и ред. И. А. Теодоровича; сост. Ив. Книжник-Ветров. С. 134–135.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) — педагог, историк русской литературы, профессор, тайный советник. Имеется в виду одно из изданий «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности».

⁸ Там же. С. 143, 151. К этому следует добавить, что в № 7 «Современника» за этот же год была опубликована статья М. Антоновича «Лжереалисты», также направленная против Писарева, с которой Лавров, судя по тексту, был знаком.

в лабиринте общественных отношений. Мы думаем, что неудовлетворительность их влияния отчасти зависит от неправильного понимания своей задачи нашими публицистами-популяризаторами. <...> исключительное, одностороннее и поверхностное изучение естественных наук не приведет к познанию законов жизни человека, к которому только и стремится общество, что для этого требуется изучение не только других, хотя менее разработанных, наук, но и пластических и особенно словесных искусств, отвергаемых слепорожденными реалистами».⁹

Теперь перейдем к рецензии Витязева в «Литературной газете». Витязев был авторитетным публикатором произведений Лаврова и зарекомендовал себя как крупнейший исследователь его творчества. При его деятельном участии в издательствах «Революционная мысль», а затем в «Колосе» в 1917–1920 годах вышло первое в России Собрание сочинений П. Л. Лаврова, а также увидели свет отдельные изданные его произведения. В рецензии читаем: «Лежащий перед нами том наводит на крайне печальные размышления. Так, в него включена статья, *не принадлежащая перу Лаврова*. Мы имеем в виду статью „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ (стр. 134–160), перепечатанную Книжником из журнала „Современник“ за 1865 год (см. № 9, стр. 5–31). Никаких доказательств о принадлежности статьи Лаврову Книжник не приводит.

В этом отношении он всецело полагается на авторитет одесского библиографа Л. Чижикова.

А между тем статья эта явно не Лаврова. Во-первых, под ней стоит подпись *Ал. Угрюмов*, Лавров же всегда подписывался *П. Угрюмов*. Во-вторых, псевдоним П. Угрюмов появился у Лаврова только в конце 70-х годов. В-третьих, статья была напечатана в „Современнике“, в котором Лавров никогда не сотрудничал и редакция которого относилась к нему не совсем доброжелательно. В-четвертых, стиль, язык статьи явно не лавровские; манера автора развивать свою мысль ни в коей мере не напоминает Лаврова. В-пятых, идей, типичных для Лаврова, в ней нет почти ни одной.

Сейчас вопрос о том, кому принадлежит статья Ал. Угрюмова, решается просто. В Пушкинском Доме при Академии наук сохранились кассовые книги „Современника“. И вот в кассовой книге за 1865 год читаем следующую запись: „Счет кассы, с. 47. Октябрь 27. На счет Жука (Угрюмова) выдано по записке г. Пыпина 84 р. 37 к.“. Так как в „Современнике“ за 1865 год никакой другой статьи Угрюмова не имеется, то ясно, что эта запись может относиться только к № 9 этого журнала, где напечатана статья „О публицистах-популяризаторах“.¹⁰

Обратимся к солидному труду В. Э. Богграда,¹¹ где на с. 461 под аннотированной росписью № 9 «Современника» за 1865 год содержится следующее указание: «№ 5254 <Утин Н. И.?» О публицистах-популяризаторах и о естествознании. С. 5–31. Подп. Ал. Угрюмов».

При этом имеется отсылка на с. 585–586 комментария, где читаем: «Статья „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ приписывалась П. Л. Лаврову („Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете“, 1915, № 6, прил.). В 1934 г. она была включена в „Избранные сочинения“ П. Л. Лаврова (Т. 1. М., 1934. С. 134–160, 475) со следующим примечанием: „Включая эту статью в состав настоящего издания, редакция, тем не менее, не считает принадлежность ее перу П. Л. Лаврова вполне установленной“. Предположение об авторстве Лаврова было категорически отвергнуто в Хронологическом указателе к „Современнику“¹² (с. 489, 502, № 1313), и на основании данных конторской книги за 1865 г. эта статья приписывалась А. А. Жуку. В свою очередь, показания конторской книги были

⁹ Там же. С. 155, 159.

¹⁰ [Б. п.]. Литературный скандал с Лавровым // Литературная газета. 1934. 10 дек. № 165 (481). С. 2.

¹¹ *Боград В.* Журнал «Современник» 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959. На с. 3–50 помещена статья Богграда «Анонимные тексты „Современника“ и их авторы».

¹² *Масанов Ю. И.* «Современник». 1847–1866: Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов с раскрытием авторства / Прим. С. А. Макашина // Лит. наследство. 1949. Т. 53–54. С. 435–513.

подвергнуты сомнению Б. П. Козьминым, приведшим ряд веских соображений в пользу авторства Н. И. Утина (Литературное наследство. № 62. С. 624).¹³ См. также: *Козьмин Б. П.* Русская секция Первого Интернационала. М., 1957. С. 77–78.¹⁴

В вводной части к Указателю Богграда имеется его содержательная статья под названием «Анонимные тексты „Современника“ и их авторы», посвященная «сложной и специальной проблеме установления авторства анонимных и псевдонимных текстов. По ряду причин значительная часть опубликованных в журнале произведений напечатана без подписи или под псевдонимом».¹⁵

Богград называет три источника, которые обычно используют исследователи, интересующиеся этой проблематикой:

1) сообщения редакции «Современника» об авторах в Санкт-Петербургский цензурный комитет;

2) гонорарные ведомости и конторские книги;

3) объявления об издании журнала.

При этом записи конторских книг, по мнению Богграда, точнее гонорарных ведомостей. Как выясняется, нередко бывали случаи, когда вместо подлинного автора произведения в конторских книгах записана фамилия лица, получившего для него гонорар. Что касается лиц политически неблагонадежных, редакция намеренно замалчивала их участие в журнале. Таким образом, требуется известная осторожность при обращении исследователя к данным, приводимым в финансовых документах журнала «Современник». Вполне резонным следует считать и такой вывод: «...абсолютно достоверных источников, которые могли бы лечь в основу атрибуции, нет. <...> Только сопоставление возможно большего количества известных данных решает в каждом конкретном случае вопрос об авторстве той или иной статьи».¹⁶

В выдержавшем семь изданий пособии по «Истории русской критики XIX–XX веков» В. А. Кулешова и современной библиографии эта проблема решается следующим образом. И у Кулешова, и в библиографическом указателе, выпущенном под грифом Института истории АН СССР и под редакцией Б. С. Итенберга, для этой статьи однозначно определено авторство П. Л. Лаврова.¹⁷ И в выходящем в Барнауле в наши дни

¹³ К этому месту на с. 31 статьи Богграда имеется следующий экскурс, касающийся как раз статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании»: «Известно также, что эмигрант Утин сотрудничал в „Современнике“. В письме к Огареву от 22 июня 1864 г. он писал: „Работать! хочется и нужно работать! то есть помимо учения и литературной работы для „Современника“ нужно *пряме*, категоричнее работать...“ (Лит. наследство. 1955. Т. 62. С. 657). Опубликовавший это письмо Б. П. Козьмин высказал предположение, что Утину принадлежит статья „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ (Современник. 1865. № 9), и далее пишет: „По гонорарным книгам „Современника“ выясняется, что гонорар за эту статью был выписан на имя А. А. Жука. Однако считать последнего автором статьи нет никаких оснований, так как никакими сведениями об участии его в литературе мы не располагаем. Между тем Александр Антонович Жук был близок с Н. И. Утиным и принадлежал к пятерке, возглавлявшейся Утиным и входившей в состав «Земли и воли». Естественно предположить, что эмигрант Утин, не имевший возможности лично получить в конторе «Современника» гонорар, поручил сделать это своему другу А. А. Жуку. Что касается предположения об авторстве П. Л. Лаврова, то этому предположению противоречит содержание интересующей нас статьи: ее автор признает закономерность общественных явлений, между тем как Лавров, придерживающийся субъективного метода в социологии, отрицал ее“. <...> И хотя в конторской книге фамилия Утина не упомянута, он, очевидно, сотрудничал в „Современнике“».

¹⁴ *Боград В.* Журнал «Современник»... С. 585.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ В «Истории русской критики XVIII–XIX веков» В. И. Кулешова (1-е изд. М., 1972) для статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании» принимается авторство П. Л. Лаврова («В статье „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ в „Современнике“ 1865 года (№ 9) Лавров разделался с „лжереалистами“ во главе с Писаревым, довольствовавшимся одним естествознанием и уходившими от социальных вопросов (на этот раз выпад, отчасти справедливый по смыслу, напоминавший полемику Щедрина)» (с. 379–380)). В библиографическом указателе проблема решена аналогично: П. Л. Лавров. Библиографический указатель / Отв. ред. Б. С. Итенберг; сост. Е. К. Сивкова. М., 1987. С. 19.

(с 2016 года) издания Сочинений П. Л. Лаврова в состав т. 6 включена его статья «О публицистах-популяризаторах и о естествознании».¹⁸

В рецензии Витязева говорится немало и о других упущениях Ив. Книжника. В «Ответе» последнего о них — по пунктам — дается развернутое объяснение. Кажется, в немалой степени рецензия Витязева была продиктована его уязвленным самолюбием: так уж случилось, что издание Лаврова, с 1934 года выходявшее в Издательстве политкаторжан и ссыльнопоселенцев, было подготовлено другим исполнителем — его давним соперником и конкурентом по изучению наследия П. Л. Лаврова.

Теперь настало время обратиться к тексту «От составителя» в т. 1, принадлежащему Ив. Книжнику-Ветрову, где находим прямые выпады в адрес Витязева: «Здесь печатаются впервые две корреспонденции Лаврова о Коммуне в органе Бельгийского федерального совета Интернационала — брюссельском еженедельнике „Интернационал“, относящиеся к 21 и 28 марта 1871 года, о которых не знал и такой усердный исследователь Лаврова, как П. Витязев, и впервые перепечатываются, между прочим, статьи „Вредные начала“ и „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“, о которых не знал и не принимал их в расчет в суждениях о Лаврове ни один из историков русской общественной мысли, тогда как эти статьи, как и статья „Постепенно“, открытая П. Витязевым, имеют огромное значение для точного выяснения того места в истории русской журналистики 50-х и начала 60-х годов, которое по праву принадлежит Лаврову».¹⁹ Текст «От составителя» датирован 15 ноября 1931 года, когда Витязев отбывал ссылку в местах весьма отдаленных...

* * *

Первый вариант «Ответа» (РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 963) датируется 1935 годом и выполнен на 11 страницах. Он имеет название «Где скандал? (По поводу статьи «Литературный скандал с Лавровым» в «Литературной газете» от 10 декабря)» и представляет собой авторизованную машинопись.

Как уже отмечалось, успели выйти первые четыре тома из предполагавшихся восьми «Избранных сочинений...» Лаврова под редакцией И. А. Теодоровича, откликом на издание которых была статья Витязева. В 1935 году Общество политкаторжан и издательство были закрыты. Такая же судьба ждала и журнал Общества «Каторга и ссылка». Редактором издания был И. А. Теодорович.

В своем ответе Витязеву Книжник-Ветров отмечал: «Издание претендует на открытие новых, никому не известных работ Лаврова (главная из них — «Корреспонденции о Коммуне 1871 г.», напечатанные в I томе), и на новое слово о политико-социальной характеристике Лаврова 1857–71 гг., в корне расходящееся с работами по этому вопросу специалиста по Лаврову Ф. И. Витязева». Он также подчеркнул, что биографический очерк имеет подзаголовок: «По новым материалам».²⁰

Как известно, в 1929 году архив П. Л. Лаврова, долгое время хранившийся в Библиотеке Академии наук, был перемещен в Москву, в Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ, ныне находится в Государственном архиве Российской Федерации — ГАРФ. Ф. 1762). Однако с частью архива, «по небрежности не захваченной работниками ИМЭЛ», Книжник-Ветров сумел ознакомиться в БАН. «Лучший знаток жизни и деятельности П. Л. Лаврова, — пишет Книжник-Ветров, подразумевая при этом Витязева, — не заметил в архиве целого ряда статей, к которым Лавров сделал позднее исправления и дополнения, и издал эти статьи *без них*».²¹ Вероятно, в архивной работе такие досадные упущения действительно имеют место. Как видим,

¹⁸ Лавров П. Л. О публицистах-популяризаторах и о естествознании // Лавров П. Л. Соч. Барнаул, 2017. Т. 6 / Под ред. В. Я. Баркалова; сост. В. Я. Баркалов; подг. текста В. Я. Баркалова при участии К. С. Никулина. С. 373–412. Тираж изд. — 100 экз.

¹⁹ Книжник-Ветров Ив. От составителя // Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 1. С. 8.

²⁰ РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 963. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 3.

Книжник-Ветров в своей статье открыто полемизирует с Витязевым и его точкой зрения на социально-политическую характеристику П. Л. Лаврова 1860-х годов.

Второй вариант «Ответа» (Ф. 352. Ед. хр. 964), представляющий собой значительно расширенный текст первого варианта (л. 1–22), предназначался для опубликования в журнале «Каторга и ссылка». Книжник-Ветров на страницах своего «Ответа» разворачивает перед читателем свою — скажем прямо — убедительную версию в обоснование авторства Лаврова для статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании».²²

Текст «Ответа» по указанным выше причинам опубликован не был.

Подчеркнем особо, что оба машинописных варианта «Ответа» *не* предполагались в качестве возможной публикации на страницах «Литературной газеты»: их объем, а также неспешно-обстоятельный способ изложения мыслей автора говорят сами за себя. Рецензия же Витязева в «Литературной газете», в прошлом журналиста в бытность его в Вологде в 1914–1915 годах (где он отбывал ссылку), свидетельствует о том, что автору был знаком газетный стиль выступлений в печати: при этом главными чертами его являются злободневность, хлесткость характеристик лиц и событий, а также предельная краткость изложения.

Ниже публикуется второй вариант «Ответа». Перед текстом дано пояснение рукой автора: «Статья эта не была напечатана, а только использована редактором „Каторги и ссылки“ И. А. Теодоровичем²³ для статьи в „Литературной газете“»²⁴ (л. 1а). Над названием статьи штамп: «Редакция журнала „Каторга и ссылка“ № 3968 Рукопись 26/II 1936 г.»²⁵ При публикации машинописного экземпляра документа сохранена авторская орфография и пунктуация, разрядка передана курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ив. Книжник-Ветров

ОТВЕТ Ф. И. ВИТЯЗЕВУ

(По поводу статьи «Литературный скандал с Лавровым»
в «Литературной газете» от 10 декабря 1935 г.¹)

Вышли первые четыре тома «Избранных сочинений на социально-политические темы в восьми томах» П. Л. Лаврова. В них напечатаны его автобиография, 8 его работ за первые 15 лет его жизни и большинство его работ 1873–75 гг., когда он издавал журнал и газету «Вперед». Предисловие редактора — И. А. Теодоровича дает идеологическую установку всего издания, вступительная заметка «От составителя» излагает об-

²² См. также: Неизданное письмо П. Л. Лаврова к Г. В. Плеханову о Н. Г. Чернышевском / Предисловие и прим. Ив. Книжника-Ветрова // Лит. наследство. 1933. Т. 7–8. С. 96 и след.

²³ Теодорович Иван Адольфович (1875–1937) — революционер, государственный деятель, историк революционного движения, первый нарком по делам продовольствия (1917). В 1929–1935 годах редактор издательства «Общества политкаторжан и ссылопоселенцев» и журнала «Каторга и ссылка». Был арестован 11 июня 1937 года. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в антисоветской террористической организации к смертной казни и в тот же день расстрелян. Место захоронения — Донское кладбище в Москве. Реабилитирован 11 апреля 1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

²⁴ Именно так: на страницах «Литературной газеты» действительно был помещен ответ И. А. Теодоровича, который в связи с этим отмечал: «Этот наш ответ П. Витязеву еще в двадцатых числах декабря 1934 года был отправлен в „Литературную газету“. Но последняя два месяца тянула с его опубликованием и напечатала только 20 марта 1935 года в значительно сокращенном (в 8 раз) виде» (Теодорович И. А. Схватка П. Витязева с Ив. Книжником-Ветровым // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 5–6 (114–115). С. 231–238. При этом на обложке «Каторги и ссылки» стоит иной год выхода: 1935. Таким образом, номер вестника вынужденно «состарили», ввиду нависшей угрозы закрытия издательства, которое потом действительно состоялось). На страницах «Каторги и ссылки» помещен полный вариант ответа Теодоровича.

²⁵ Год ошибочно исправлен с 1935 на 1936.

щий план издания, «Введение к I тому» дает очерк общественной и литературной деятельности Лаврова до издания «Вперед», затем во всех четырех томах обширный аппарат примечаний, библиографии, приложений и указателей имен.

От рецензента подобного издания мы вправе ожидать, чтобы он высказался и о плане издания, и об его идеологической установке, и об его научном аппарате, тем более что составитель издания претендует на открытие новых, никому неизвестных работ Лаврова (главная из них — «Корреспонденции о Коммуне 1871 г.», напечатанные в I томе) и на *новое слово* о политико-социальной характеристике Лаврова 1857–71 гг., в корне расходящееся с работами по этому же вопросу специалиста по Лаврову Ф. И. Витязева (биографический очерк имеет подзаголовок: «По новым материалам»).

И вот появляется без подписи под сногшибательным заглавием первая рецензия об издании Лаврова, где обходится полным молчанием и план издания, и его идеологическая установка, и аппарат его примечаний и приложений, а критикуется только включение в I том одной статьи и его библиография.

Если бы в «Литературной газете» от 12 декабря не было «поправки», что «по недосмотру корректуры» под этой рецензией «выпала подпись: Ф. Витязев», то я не мог бы и допустить, что именно он ее автор.

Витязев свыше 20 лет изучает почти одного Лаврова, он писал главным образом о нем одном. И вот когда появились сочинения Лаврова, где в <о> введении и примечаниях неоднократно цитируются и критикуются работы Витязева, он обходит это полным молчанием.

Витязев унижается до того, что прибегает к передержкам и явному расчёту на то, что никто не заглянет в критикуемый им I том.

Витязев утверждает, что «ровно никаких доказательств», подтверждающих авторство Лаврова для статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», не приведено. Между тем на стр. 36–37 и 475 (примеч. 185) указано, что в статье развита та же идея, что и в I-й главе «Исторических писем» (нельзя довольствоваться одним естествознанием, и необходимо еще изучать законы социальной жизни, законы истории, имеющей преимущество перед естествознанием). Можно было бы еще добавить, что в этой статье развита и характерная для Лаврова идея о том, что научное исследование должно быть соединено с практикой жизни.

Это — типичные для Лаврова идеи, и можно только удивляться, что Ф. И. Витязев этого не заметил.

Типичны для Лаврова и выраженные в этой статье мысли о первоначальном образовании и воспитании, развивавшиеся им в специальных статьях о воспитании («По поводу вопроса о воспитании. Критериум для направления нравственного воспитания» — в «Отечественных записках» за 1857 г., № 9; «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей» — в «Библиотеке для чтения» за 1858 г., № 2 и «Идеи о классическом и реальном образовании в Англии нашего времени» в «Вестнике Европы» за 1867 г., № 9). Это мысли об образовании и воспитании, которые свойственны автору, давно занимающемуся преподаванием и имеющему в нем большой практический опыт, каковой и был у Лаврова (но его не могло быть, как увидим дальше, у Жука, которого Витязев считает автором этой статьи).²

Типична для Лаврова и мысль о необходимости изучать «науку о распределении материальных богатств», которую он высказывает в статье «О публицистах-популяризаторах». В том же 1865 г. в лекциях «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии» Лавров высказал мысль о необходимости и для военных быть знакомыми с вопросами политической экономии.

Затем в статье «О публицистах-популяризаторах» имеется одно место (см. стр. 139 в перепечатке этой статьи в I томе «Избранных сочинений» Лаврова), где говорится о состоянии науки в Западной Европе и наши читатели сравниваются с западноевропейскими. Суждения, здесь высказанные, были вполне естественны именно для Лаврова как редактора «Заграничного вестника», где им давались обзоры научных новинок за границей и редактировались переводы статей заграничных популяризаторов-специалистов.

Наконец, самым ярким доказательством принадлежности статьи «О публикациях-популяризаторах» Лаврову является то, что по вопросу о популяризации естествознания Лавров в том же 1865 г. высказал аналогичные мысли и в одном из своих обзоров «Европейская жизнь» в «Заграничном вестнике» (см. № 3, стр. 564–565). По поводу популярных статей по естествознанию в европейской печати Лавров пишет здесь, что «дух исследования и критики не всегда преобладал в популярных сочинениях... что есть между ними и слишком скороспелые компиляции и легкомысленно написанные главы... что критика, поощряя известную цель популяризации, должна при случае быть бодрой и строгой. Нельзя импровизировать популяризатора науки; для этого надо сначала знать хорошо самого себя. Особенная заслуга Бюффона, Араго, Гумбольдта³ и состоит в том, что они сами были учеными и кроме того писателями. Без сомнения, мы не требуем от наших популяризаторов качеств этих гениальных людей; мы просим их, по крайней мере некоторых, быть более спокойными. Более правдивыми в своих сочинениях, иногда многочисленных... С научной истиной нельзя обращаться полюбовно (т. е. любительски. — *И. К. В.*). Вот почему право, скажем лучше, обязанность критики быть вполне строгой и оберегать публику от вредных популяризаторов».

Из указанных здесь мыслей Лаврова о наших популяризаторах ясно видно, что уже в марте 1865 г. тема о недостатках популяризаторов естествознания вроде Писарева, под влиянием сравнения его работ с иностранными популяризациями, вставала перед Лавровым во весь рост.

Занимаясь много лет преподаванием высшей математики и как раз в 1865 г. углубившись в занятия историей естествознания, Лавров естественно чувствовал себя вполне подготовленным, чтобы дать развернутую критику той популяризации естествознания, которую давал Писарев.

Так как в «Современнике» за 1865 г. № 7 была напечатана статья Антоновича⁴ против Писарева «Лжереалисты» (с точки зрения не естествоведческой, а исключительно литературно-критической), то для Лаврова, относившегося к «Современнику» с большой симпатией и лично знакомого с Антоновичем, писавшим по приглашению Лаврова в редактировавшемся последним до 1864 г. «Энциклопедическом словаре»,⁵ было естественно пожелать подкрепить нападки на Писарева с точки зрения естествоведения и педагогики.

Статьи Писарева по популяризации естествознания призывали к одностороннему «саморазвитию» путем естествознания и тем отрывали читателей от общественной активности, бывшей у Лаврова на первом плане. Отсюда решение Лаврова выступить против кумира тогдашней молодежи — Писарева. Но как человек мягкий, Лавров не называет имени Писарева в своей статье, хотя в целом ряде мест прозрачно намекает, что имеет в виду именно его.

Выступление Лаврова в «Современнике» под псевдонимом объясняется тем, что в глазах правительства у «Современника» была весьма одиозная репутация, Лавров же по своему официальному положению (профессор Артиллерийской академии и полковник по военному званию) не мог считать безопасным *открытое* свое выступление в «Современнике».

Витязев утверждает, что, включая эту статью в собрание сочинений Лаврова, я «всецело» полагался «на авторитет одесского библиографа Л. Чижикова».⁶ Но он умалчивает, что на стр. 10 я указал целый ряд ошибок в библиографической работе Чижикова о Лаврове и, следовательно, не мог считать Чижикова «авторитетом», на который можно полагаться «всецело». Если все же о работе Чижикова я отозвался как о «ценной», несмотря на многие ее ошибки, то это потому, что работа над библиографией Лаврова — труднейшее дело, и если Чижиков открыл хотя бы две-три статьи, принадлежность которых Лаврову была раньше неизвестна, то это перевешивает все его ошибки. А Чижиков *открыл* несколько статей Лаврова, до него никому неизвестных. Укажу хотя бы одну, против которой не возражает и Витязев: «Иностранная литература. „История чудесного, Фигье“»⁷ и т. д. (см. № 28 нашей библиографии, стр. 496). Этой статьи Витязев не включил в изданную им V серию статей Лаврова по

истории религии, значит, мы можем предположить, что он этой статьи не заметил, хотя она подписана: «П. Л. Л.».

Витязев говорит об обсуждении работы Чижикова о Лаврове на II Всероссийском библиографическом съезде в 1926 г. и напускает при этом такой туман, что можно подумать, что работу Чижикова о Лаврове осудил весь съезд. Между тем на стр. 71 «Трудов» этого съезда (М., 1929) сказано только: «Н. Н. Орлов⁸ дает пример „библиографической безграмотности в трудах, казалось бы, весьма видных и компетентных лиц. <...> Первый из них — это работа Л. Чижикова «П. Л. Лавров. Дополнительные материалы для собрания его сочинений». Оказывается, что ни одна статья из всех, помещенных в указателе, не принадлежит перу П. Л. Лаврова. Это подтвердил мне лучший знаток жизни и деятельности П. Л. Лаврова — Ф. И. Витязев».

Таким образом, оказывается, что на библиографическом съезде 1926 г. о Чижикове говорили как о «весьма видном и компетентном лице», «библиографическая» же его «безграмотность» утверждалась только библиографом Н. Н. Орловым, всецело положившимся на авторитет Витязева. Я высоко ценю некоторые работы Витязева, много сделавшего для разыскания неизвестных статей Лаврова. Перед всеми другими исследователями Лаврова Витязев имеет то преимущество, что в течение более десяти лет он мог обследовать архив Лаврова, хранившийся в Академии наук. Однако на основании обследования части этого архива, по небрежности не захваченного работниками ИМЭЛ, перевозившими его в Москву, мне пришлось убедиться, что и «лучший знаток жизни и деятельности П. Л. Лаврова» не заметил в архиве целого ряда статей, к которым Лавров сделал позднее исправления и дополнения, и издал эти статьи *без них* (см. об этом в нашей библиографии I тома № 24, 32 и 82 и в библиографии томов еще печатающихся). Не заметил Витязев и опечаток, указанных Лавровым для одной из его статей в письме к Стасюлевичу (см. № 74 нашей библиографии на стр. 504). Перепечатка Витязевым работ Лаврова об Интернационале, Парижской коммуне, истории социальных учений, народниках-пропагандистах и «Государственный элемент в будущем обществе» со скудными примечаниями формально-библиографического характера, без объяснения событий и справок о лицах, о которых идет речь, тоже должна быть поставлена Витязеву в укор. Всё это заставляет исследователя Лаврова не принимать на веру безусловно отрицательный отзыв Витязева о Чижикове.

Вот отчего, когда я нашел у Чижикова указание на принадлежность Лаврову статьи «О публицистах-популяризаторах», я отнесся к этому указанию со вниманием, проверил его и, убедившись в его правильности по *содержанию* статьи, согласился с Чижиковым.

Каковы же основания, приводимые Витязевым, будто эта статья «явно не Лаврова»? Разберем их по порядку.

1) «Во-первых, под ней стоит подпись *Ал. Угрюмов*, Лавров же всегда подписывался П. Угрюмов».

Но разве Витязев не знает, что Лавров в очень разнообразных видах подписывался этим псевдонимом? В «Деле» за 1877 г. мы видим и просто *П. У.* и *П. Уг-мов*, а в «Отечественных записках» за 1881 г. мы видим *П. У-в*. Правда, инициал имени здесь всюду П., но мы знаем другой случай, когда в псевдониме *П. Кедров* Лавров менял П. на Л. (см. в III томе соч. Лаврова, стр. 404, № 121, 122 и 124 нашей библиографии). Почему же нельзя думать, что *Ал.* такая же случайность при *Угрюмове*, как Л. при *Кедрове*.

2) «Во-вторых. Псевдоним П. Угрюмов появился у Лаврова только в конце 70-х годов».

Очевидно, этот пункт отпадает ввиду предыдущего.

3) «В-третьих, статья была напечатана в „Современнике“, в котором Лавров никогда не сотрудничал и редакция которого относилась к нему не совсем доброжелательно».

Что Лавров «никогда не сотрудничал» в «Современнике», это еще *не* доказано, как ясно из наших возражений по 1 и 2 пунктам. Недоброжелательное же отношение «Современника» к Лаврову действительно имело место, но лишь весной 1861 г., когда

Антонович в № 4 «Современника» дал отрицательную оценку брошюре Лаврова «Три беседы о современном значении философии». Зимой же в конце 1861 г., познакомившись с Лавровым лично, Антонович изменил свое отношение к Лаврову и стал его сотрудником по «Энциклопедическому словарю». В это время Лавров имел уже в своем общественном активе выступление во дворе университета с речью, воодушевлявшей студентов к протесту против новых университетских правил, и участие вместе с Чернышевским в помощи студентам, уволенным за «беспорядки». Дальнейшие общественные выступления Лаврова (в мае 1862 г. в газете «Спб. ведомости» в защиту студенчества и в сентябре 1862 г. во время демонстрации на похоронах декабриста Штейнгеля⁹), участие в легальных центрах революционной интеллигенции — Шахматном клубе и Литературном фонде,¹⁰ участие вместе с сотрудником Елисеевым в тайном обществе «Земля и воля»,¹¹ организация первого в России «Общества женского труда» в конце 1863 г., редактирование с 1864 г. журнала «Заграничный вестник», отмеченное с одобрением всей прогрессивной печатью (об этом еще будет речь дальше). Наконец, выступления Лаврова весной 1865 г. в Литературном фонде с предложением о выдаче пособия сосланному Чернышевскому и о ходатайстве о пересмотре его дела, выступления Лаврова против правительства в городской думе и губернском земском собрании, — все эти выступления не могли не возбуждать в редакции «Современника» к Лаврову самого доброжелательного отношения.

Действительно, в № 2 «Современника» за 1864 г. в отделе «Новые книги» мы читаем весьма одобрительную рецензию без подписи (из кассовой книги «Современника» за 1864 г., стр. 235 видно, что рецензия написана Антоновичем) по поводу № 1 «Заграничного вестника». «Нельзя не порадоваться изданию, — пишет Антонович, — которое имеет определенный цвет, серьезно смотрит на свое дело, выбирает для себя известный путь и идет по нем, не сворачивая в стороны, не уступая своей дороги никому, ни для чего, ни из-за чего, которое не боится неудобств и неприятностей, неизбежных при решительной и определенной деятельности, и не соблазняется теми прелестями, какие представляет середка на половинке...»

В том же номере «Современника» во «Внутреннем обозрении» Елисеев посвящает 11 страниц (стр. 322–332) защите «Заграничного вестника» против нападок на него в передовице № 39 реакционной официальной газеты «Русский инвалид», усмотревшей в авторе статьи «От редакции» в № 1 «Заграничного вестника» (этим автором был Лавров) «радикала, утописта, мечтателя, который <...> увлекается чуждыми нам идеями коренных, радикальных, всеобщих преобразований».

В № 3 «Современника» за 1864 г. во «Внутреннем обозрении» тот же Елисеев (анонимно) одобрительно отзываясь о проекте Общества женского труда, написанного Лавровым, разбирает различные мнения о нем и на стр. 161–166 полностью перепечатывает этот проект.

Наконец, в № 7 «Современника» за 1865 г., на стр. 120–129 напечатана анонимная обстоятельная одобрительная рецензия о лекциях Лаврова «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии». (Из кассовой книги «Современника» за 1865 г., стр. 150, видно, что статья написана Розановым.¹²)

После всего этого очевидно, что редакция «Современника» относилась к Лаврову неизменно доброжелательно с конца 1861 г., и Лавров об этом хорошо знал не только из личных встреч с работниками «Современника» — Антоновичем, Елисеевым и Пыпиным, но и из печатных выступлений «Современника» в его защиту и из одобрительных рецензий «Современника» на его произведения.

Курьезнее всего то, что в основном весь этот вопрос о положительном отношении «Современника» к Лаврову раскрыт и в статье самого Витязева по поводу открытой им статьи Лаврова «Постепенно» (см. № 48 нашей библиографии, стр. 501).¹³ Но сейчас Витязев об этой своей статье «забыл».

4) «В-четвертых, — утверждает Витязев, — стиль, язык статьи явно не лавровские; манера автора развивать свою мысль ни в коей мере не напоминает Лаврова».

Но разве Витязев не знает, что у Лаврова были разные «стили» и разные «манеры» развития мысли? Укажем на статью Лаврова «Постепенно» начала 1863 г., конца-

ющуюся сказкой о крылатом хане (см. стр. 132–133 I тома соч. Лаврова) или на статью «Кому принадлежит будущее?» 1872 г., начинающуюся в виде рассказа (см. III том соч. Лаврова, стр. 79 и сл.). Лавров даже доходил до развития своих социально-политических идей в стихотворной форме (см.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные произведения русской поэзии. 3-е изд. 1908. Стр. 102–105). Можно указать несколько статей Лаврова, напоминающих по «стилю» и «манере» статью «О публицистах-популяризаторах», например, «Письма о разных современных вопросах» 1857 г. (№ 12 нашей библиографии на стр. 494 I тома), «Письмо провинциала о задачах современной критики» (№ 81 на стр. 506 там же) и т. п. Так что и это «основание» Витязева отпадает.

5) «В-пятых, идей, типичных для Лаврова, в ней нет почти ни одной».

Выше уже указано, что именно наличие в этой статье целого ряда идей, повторяющихся у Лаврова и в некоторых других статьях, а особенно в «Исторических письмах», заставило меня согласиться с Чижиковым, что статья принадлежит Лаврову. Но характерно, что Витязев ставит вопрос об идейном содержании статьи не на первом, а на последнем плане. Больше всего он обращает внимание на чисто формальные внешние моменты, что, конечно, не делает чести его методологическим приемам исследования.

После своего безапелляционного голословного утверждения о содержании статьи «О публицистах-популяризаторах» Витязев указывает, что в кассовой книге «Современника» за 1865 г. есть запись о выдаче 84 р. 37 к. «по записке г. Пыпина» «на счет Жука (Угрюмова)». Этот факт мне не был известен, и я его проверил. Что же оказалось?

В кассовой книге журнала «Современник» за 1865 г., хранящейся в Институте русской литературы в Ленинграде, имеются три записи о Жуке.

На стр. 47: «Счет кассы. Октябрь 27. На счет Жука (Угрюмова) выдано по записке г. Пыпина 84 р. 37 к.»

На стр. 151: «Счет Жука. Октября 27. Со счета кассы выдано по записке г. Пыпина 84 р. 37 к. На счет издания „Современник“ заработано в № 9 „О публицистах-популяризаторах“ I <лист> 11 <страниц> 84 р. 37 к.»

На стр. 161: «Счет издания „Современника“ 1865 г. Со счета Жука за статьи 84 р. 37 к.»

По мнению Витязева, первая запись (а тем более вторая запись, о которой он не знал) окончательно решает вопрос о принадлежности Жуку статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании» за подписью «Ал. Угрюмов», напечатанной в № 9 «Современника» за 1865 г.

Я же вслед за библиографом Л. Чижиковым полагаю, что автором этой статьи является П. Л. Лавров, а Жук (это мое уже личное убеждение) по поручению Лаврова только передал статью для «Современника» одному из двух его ответственных редакторов — личному знакомому Лаврова — А. Н. Пышину (другой редактор был Н. А. Некрасов, но он был менее близко знаком с Лавровым) и по поручению Лаврова же получил и гонорар за эту статью. Так как Пыпин желал соблюсти неприкосновенность псевдонима Лаврова, то он в своей записке в бухгалтерию не упомянул имени Лаврова, а просил выдать гонорар за статью «Угрюмова» Жуку, бухгалтер же «Современника» вообразил, что Жук и есть автор статьи, и сделал первую запись так, как будто речь шла о статье самого Жука. Затем бухгалтер завел «счет Жука» на 151 странице, как это делалось для всех сотрудников, и сделал вторую запись, «уточняющую», за что именно выплачена Жуку указанная в записке Пыпина сумма. Обе записи, как и третья, были результатом бухгалтерского недоразумения, а автором статьи был не Жук, а Лавров.

Всё это выясняется из нижеследующего расследования о том, что Жук не был писателем и не мог написать названной статьи, и что Лавров был несомненно знаком с Жуком и мог поручить ему сдать свою статью в «Современник» через Пыпина и получить за нее гонорар.

Итак, прежде всего, кто такой Жук?

В недавно вышедших воспоминаниях приятельницы Лаврова — Е. А. Штакеншнейдер (см. ее «Дневник и записки» изд. Academia, 1934, стр. 299) упоминается

Жук, сидевший восемь недель в Петропавловской крепости за участие в студенческих волнениях осенью 1861 г. В т. I «Биобиблиографического словаря» изд.<ательств>ва Политкаторжан (т. 1. М., 1928. Стб. 125) указано: «Жук, Александр Антонович, дворянин, уроженец Витебской губернии. Будучи студентом 2-го курса юридического факультета СПб. ун-та, участвовал в студенческих волнениях 1861 г., за что был арестован и 26 сент. 1861 г. доставлен в Петроп. крепость, из которой освобожден 7 дек. т. г. По выс. пов. 4 дек. т. г. был прощен после строгого внушения с обязательством принять матрикул или возвратиться на родину. Взятый на поруки родными, остался в Петербурге и с 1861 г. состоял под гласным надзором. В 1862–63 гг. был членом петерб. отдел. общ-ва „Земля и воля“. Впоследствии отошел от движения и был директором Владикавказской жел. дороги».

Так как здесь никаких сведений о занятии Жука литературой и об участии его в «Современнике» не имеется, мы просмотрели детально первоисточники о Жуке, указанные в «Биобиблиографическом словаре», а также и не указанные там.

Л. Ф. Пантелеев,¹⁴ товарищ Жука по студенческому движению и по «Земле и воле», говорит о нем, что он не играл заметной роли в студенческой истории, но «он обратил на себя внимание в крепости своим умом, выдержанностью и очень строгим нравственным критерием, который он ярко выдвигал при суждении о людях и их общественной деятельности» (см.: *Пантелеев Л.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905. Стр. 289).

По словам Пантелеева, Жук почти никого не привлек к «Земле и воле», и когда заявил, что выходит из Комитета «Земли и воли», его «лишь из вежливости» просили не выходить, «но не настаивали» (там же, стр. 292 и 294).

После того как Н. И. Утин бежал за границу (т. е. после начала мая 1863 г.), Жук опять вошел в Комитет (там же, стр. 309).

В конце 1878 г. Пантелеев видел Жука у хорошего знакомого Лаврова — литературного критика В. В. Чуйко,¹⁵ где был и юрист Влад<имир> Ив<анович> Жуковский,¹⁶ брат известного бакуниста Н. И. Жуковского.¹⁷ Когда В. И. Жуковский «развил программу отрицания семьи, собственности и государства, Жук <...> даже прибавил несколько слов в подкрепление того, что говорил Влад<имир> Ив<анович>» (там же, стр. 317). «Впоследствии Жук выработался в железнодорожного дельца. Его ценили как большого мастера по составлению разных записок, ходатайств» (там же, стр. 315).

Председатель следственной комиссии о воскресных школах С. Р. Жданов¹⁸ в записке от 30 августа 1862 г., перечисляя «самых крайних» членов отделения Комитета Литературного фонда для помощи учащимся-студентам, образовавшегося после арестов студентов осенью 1861 г., называет среди них и А. Жука (см.: *Герцен А. И.* Соч. Т. XV. Пг., 1920. Стр. 317–326; отделение состояло исключительно из студентов).

Член ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцов¹⁹ (записку его приводит М. К. Лемке²⁰ в XVI томе соч. Герцена) добавляет к этим сведениям о Жуке следующее: «Жук, А. А., как и Пантелеев, Гулевич и Лобанов,²¹ состоял в „пятерке“ Н. И. Утина» (*Герцен А. И.* Соч. Т. XVI. Стр. 82). Пантелеев арендовал типографию быв. Н. Тиблена,²² а после своего ареста передал «ведение дел своих <...> помощнику своему некоему Жуку» (там же, стр. 159).

Итак, и в записках А. А. Слепцова нет намека на то, что Жук был писателем.

В напечатанных недавно воспоминаниях М. Слепцовой узнаем о Жуке следующее:

«Во второй пятерке, кроме Апрелева, был и А. Жук, участвовавший и дальше в подпольных организациях 70–80 гг. Мне о нем как о ценнейшем человеке упоминала Софья Ник<олаевна> Лаврова, член „Земли и воли“ 70-х годов. Подробной биографии его не знаю» (*Слепцова М.* Штурманы грядущей бури // Звенья. Сб. II. М.; Л.: Academia, 1923. Стр. 436).

Но, может быть, А. Жук — «автор учебника психологии и педагогики», о котором говорится в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (Т. I. 2-е изд. Пг., 1915. Стр. 284)?

По справке в каталоге Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде оказалось, что у Венгерова речь идет о брошюре в 35 страниц «Крат-

кие записки по психологии. Составил по Чистовичу²³ учитель Каменец-Подольской гимназии А. Жук. Каменец-Подольск. 1878. (212 экз.) Этот же автор издал там же в 1882 г. книжку под заглавием „Очерк педагогики применительно к курсу женских гимназий“.

Итак, автор этих двух книжек — учитель гимназии в Каменец-Подольске. Мы же знаем, со слов Л. Ф. Пантелеева, встречавшего Жука в конце 1878 г. в Петербурге, что Жук был железнодорожным дельцом.

К сожалению, в архиве бывшего министерства путей сообщения формулярного списка А. А. Жука не сохранилось. В «Списке чинам ведомства путей сообщения» за 1870-е и 1880-е годы и в «Адрес-календаре служащих Владикавказской железной дороги на 1913 г.» (Ростов-на-Дону, сост. Е. Н. Яхонтов) об А. А. Жуке также нет упоминания. Но все же подтверждение свидетельству Пантелеева, что А. А. Жук был железнодорожным работником, находим в следующем факте.

Имеется справочник «Свод тарифов Новоторжской железной дороги для грузов прямого и внутреннего сообщения» (Изд. 2-е. Сост. А. А. Жук и А. В. Померанцев. Спб., 1878. 116 стр.; 1-е изд. этого справочника 1877 г. в 115 стр. вышло без указания имен его авторов).

Таким образом, ясно, что А. А. Жук только соавтор тарифного справочника по ж.-д. грузам (по-видимому, он работал на Новоторжской железной дороге), но не имеет никакого отношения к двум книжкам по психологии и педагогике учителя гимназии А. Жука из Каменец-Подольска. Последний — совсем другое лицо.

Можно сказать с уверенностью, что А. А. Жук (о котором Е. А. Штакеншнейдер и Л. Ф. Пантелеев говорят как об участнике студенческого движения осенью 1861 г. и тот же Пантелеев, А. А. Слепцов и М. Слепцова — как об участнике «Земли и воли» 1862–63 гг.) не имел никакого отношения к «Современнику» в качестве его сотрудника, так как о таком важном факте такие близкие А. А. Жуку товарищи, как Пантелеев и Слепцов, не могли бы не знать и, зная, не упомянуть об этом в своих воспоминаниях о Жуке.

Если бы Жук действительно написал в «Современнике» статью, где он критикует кумира тогдашней молодежи Писарева, статью, которая заслужила ее автору сочувственный отклик в органе Русской секции Интернационала «Народное дело» (см. стр. 57 нашего «Введения» к I тому), то мог ли Жук остаться как писатель в полной безвестности? Мог ли остаться неизвестным и его псевдоним? (В «Опыте словаря псевдонимов» Карцева и Мазаева,²⁴ стр. 129 указано много лиц, писавших под псевдонимом «Угрюмов», но Жук не указан).

Только в минуту крайней неприятия в вопросах библиографии и абсолютно не критического подхода к вопросу об авторстве статьи Витязев мог сказать: «Сейчас вопрос о том, кому принадлежит статья Ал. Угрюмова, решается просто». (Раз есть кассовая запись на Жука, значит неизвестный Жук — автор статьи).

А дело не так просто. Если действительно Жук автор статьи, то Витязев обязан был заняться розысками сведений об этом замечательном и значительном передовом мыслителе-публицисте. Ведь этот мыслитель-публицист указал такому популярному и талантливому писателю, как Писарев, на поверхностность его популяризаторских работ по естествознанию, и указал так, что Писарев ему не возражал и принял его указание к исполнению. «Жук» обнаружил в статье такую разносторонность образования, такие специальные глубокие познания в естественных науках, в философии и в общественных науках, и притом такую оригинальность мысли демократа-просветителя, которые были весьма редки в литературе 1860-х годов. Как же не заняться исследованием о «Жуке»? Но Витязев ничего не сделал в своей «критике».

Я полагаю, что не Жук, а только Лавров обладал уже в 1865 г. всеми достоинствами Угрюмова: энциклопедичностью образования, глубокими специальными познаниями по естествознанию, которые импонировали не только Писареву, но через пять-шесть лет и парижскому антропологическому обществу, где Лавров был членом редакции, и Фридриху Энгельсу, принимавшему в расчет высказывания Лаврова в своей «Диалектике природы» (см. 6-е изд. этой книги. М., 1933, стр. 32 и 224), и Карлу Марксу, очень любившему беседовать с Лавровым.

Так как статья напечатана в сентябрьской книжке «Современника», то надо полагать, что написана она была летом, когда Лавров собирался поехать с болевшей уже несколько лет женой за границу. Имея в виду, что за границей ему придется пробыть долго (как видно из агентурной полицейской справки, Лавров пробыл в 1865 г. за границей с большой женой четыре месяца, см. «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Вып. I. Пг., 1921. Стр. 88), Лавров поручил передачу статьи в «Современник» и получение за нее гонорара Александру Антоновичу Жуку, своему молодому знакомому.

Мы знаем уже, что А. А. Жук участвовал в студенческом движении осенью 1861 г., был членом отделения Комитета Литературного фонда для вспомоществования учащимся «пятерки» тайного общества «Земли и воли» 1862–63 гг. и даже членом петербургского комитета «Земли и воли». Так как Лавров имел близкое соприкосновение осенью и зимой 1861 г. со студентами в качестве казначея особого отделения (при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым, т. е. при Литературном фонде) для вспомоществования учащимся (т. е. студентам) и ведал распределением денег среди студентов, то уже тогда Лавров не мог не познакомиться с А. А. Жуком как с пострадавшим студентом и членом особого отделения Комитета Литературного фонда. Безусловно, Лавров должен был иметь общение с Жуком и позднее как с членом петербургского комитета «Земли и воли», так как этот комитет собирался в квартире Лаврова и Лавров был его совещательным членом.

Таким образом, естественно, что Лавров, собираясь уехать за границу на долгий срок, поручил Жуку сдать свою статью для напечатания в «Современнике» через лично знакомого ему Пыпина и, подписывая статью псевдонимом «Угрюмов», добавил при этом инициал «Ал.», сам собой напрашивавшийся при поручении этого дела Александру Жуку. Естественно также, что Жуку же Лавров поручил и получение гонорара за статью.

При абсолютном уважении к тайне псевдонимов, которое было характерно для той эпохи (мы знаем, что и в 1875 г., когда С. А. Венгеров в книге «Русская литература и ее представители»²⁵ раскрыл некоторые псевдонимы П. Н. Ткачева²⁶ и Н. В. Шелгунова,²⁷ Михайловский²⁸ в «Записках профана» отметил это с негодованием, указав, что «неприкосновенность псевдонима есть едва ли не элементарнейшее правило добропорядочного литературного общества»), никто в редакции «Современника», кроме Пыпина, не знал, что статья «О публицистах-популяризаторах» принадлежит Лаврову, в противном случае, надо полагать, Антонович или Елисеев упомянули бы об этом в своих воспоминаниях.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем сказать с уверенностью: нет никаких оснований считать автором статьи «О публицистах-популяризаторах» Жука, который не был вообще писателем и не был подготовлен к высказыванию авторитетных суждений о естествознании, имеющих в этой статье, считать же ее автором Лаврова оснований более чем достаточно. А записи в кассовой книге «Современника», связывающие псевдоним Лаврова — «Угрюмов», которым он пользовался и позднее, с Жуком, находят свое объяснение в факте несомненного знакомства Лаврова с Жуком и в том, что последний был посредником между Лавровым и редакцией «Современника».

Витязев не только не доказал принадлежности статьи Жуку, но даже не обнаружил понимания, насколько серьезна и сложна самая постановка такого вопроса.

Полагаю, что читатели согласятся после всего здесь сказанного, что во включении в I том Лаврова статьи «О публицистах-популяризаторах» нет никакого «литературного скандала». Не было бы «скандала» и в том случае, если бы даже было доказано, что эту статью написал не Лавров, а другое лицо. Ведь не вопил же никто о «скандале», когда в 1-е издание сочинений В. И. Ленина была включена по ошибке *тридцать одна* статья, ему не принадлежащая, и даже во 2-е и 3-е издания включены *пять* таких статей. Трудность работы над изданием революционных авторов, писавших под псевдонимами и анонимно, так велика, что ошибки здесь всегда возможны, особенно когда речь идет о представителе не нашей, а прошлой эпохи, литература которой только теперь начинает изучаться по-настоящему на основании архивных материалов.

Уж кто-кто, а Витязев должен был бы это понимать. А если понимает и все-таки вопит о «скандале», то это — скандал с ним самим без кавычек.

Такой же характер имеет разоблачение Витязевым моих ошибок и пропусков в библиографии Лаврова, приложенной к I тому.

Витязев утверждает, что я «даже не открывал» Военного энциклопедического лексикона. Как я мог не открывать, когда вся библиография аннотирована и дает содержание статей?

Витязев поднимается до пафоса, говоря о десятках пропусков и в этом словаре, и в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами», хотя прекрасно знает, что аннотированная библиография произведений Лаврова в хронологическом порядке их напечатания дана «с целью выявления социально-революционных элементов, имеющих в произведениях Лаврова, не вошедших в настоящее издание» (см. стр. 13 в I томе «От составителя»), в пропущенных же статьях никаких социально-революционных элементов не имеется. Это — статьи, в которых нет ничего интересного и большинство их так незначительно, что включение всех этих статей, не имеющих ни научного, ни исторического значения, только засорило бы нашу библиографию и затруднило бы ее использование. Я сделал ошибку, что не оговорил этого, но полагаю, что и в этом нет «литературного скандала».

Я сделал ошибку, что вслед за Чижиковым, хотя и проверил его, в библиографии приписал Лаврову шесть статей Л. А. Леливо-Полонского.²⁹ Но эту <ошибку> я сделал как раз из-за «Опыта словаря псевдонимов» Карцева и Мазаева и «Энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона, на которых Витязев ссылается.

Дело в том, что по содержанию указанные шесть статей являются информацией о новых иностранных книгах с небольшим критическим разбором их, и эти статьи могли быть написаны Лавровым в ссылке и напечатаны в «Вестнике Европы», так как известно, что с издателем «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем³⁰ Лавров переписывался в 1867 г. Так как Карцев и Мазаев дали мне сведения, что Л. П. — подпись Леливы-Полонского только в 1870-х и 1880-х гг., а у Брокгауза — Ефрона я нашел указание, что Л. П. — псевдоним Л. А. Полонского с 1868 г., причем ни одной статьи Л. П. в «Вестнике Европы» за 1868 г. не указано, то я не поверил обоим этим источникам, противоречащим Чижикову.

В самом «Вестнике Европы» за 1868 г. относительно статей Л. Полонского имеются указания подписей, способные запутать хоть кого угодно. В № 12 этого журнала за 1868 г. на стр. 916 статья «Критика русских писателей в Германии» подписана П. Л. (а не Л. П.). В «Алфавитном указателе авторов» в том же № 12 «Вестника Европы» (стб. 959) указано: «П. Л.: Ирландия перед судом общественного мнения в Англии. — Критика русских писателей в Германии»... Имея в виду противоречивые указания Карцева — Мазаева и Брокгауза — Ефрона, о которых сказано выше, я решил, что Л. Полонский вовсе не печатался в «Вестнике Европы» в 1868 г. и что и в указателе этого журнала оба указания ошибочны и подпись под статьей об Ирландии «Л. П.» тоже напечатана так по ошибке. От этого ошибочного решения пошли ошибки и в определении авторства статей Л. П. 1870-х гг. Лишь после того, как первые три тома Лаврова были напечатаны, работая над «Летописью жизни и деятельности П. Л. Лаврова», я открыл, что Лавров не был сотрудником «Вестника Европы» после 1867 г., что подпись П. Л. на стр. 916 в № 12 «Вестника Европы» есть опечатка и что шесть статей Л. П. приписаны мной Лаврову в библиографии I тома по ошибке.

Как видит читатель, и здесь дело не так «просто», как об этом пишет Витязев, желая «доказать» мою «библиографическую безграмотность».

Нельзя также без всяких доказательств, а с ссылкой только на авторитет Е. Е. Колосова³¹ утверждать, что я в своей библиографии приписал Лаврову три статьи из «Книжного вестника»,³² принадлежащие якобы Михайловскому.

Витязев не спорит против приписания мною Лаврову статьи без подписи «Цель и значение классификации наук», напечатанной в «Книжном вестнике» за 1866 г., № 13 и 14–15 (см. стр. 503 I тома Лаврова, № 716). Почему же и указанные три статьи без подписи не могли принадлежать Лаврову?

За принадлежность Лаврову «Обозрения журналов: „Вестник Европы“, 1866, кн. 1, 2 и 3», напечатанного в № 18–19 «Книжного вестника» от 15 октября 1866 г., говорят следующие соображения.

«Вестник Европы» регулярно выходил в *начале* месяца, и если о первых трех книгах его за *январь–март* «Книжный вестник» дает информацию в *октябре*, то мог ее написать только Лавров, живший далеко от Петербурга в Вологодской губернии (надо помнить о медленности почты в 1866 г.).³³

За принадлежность Лаврову статьи «Современная журналистика», напечатанной в № 21–22 и 23–24 за ноябрь и декабрь «Книжного вестника» за 1866 г., говорит примечание 4-е в № 23–24, где упоминается о современных журналах, а «Заграничный вестник», редактировавшийся Лавровым до его ареста, не упоминается. Это умолчание о журнале, о котором говорила недавно вся печать, можно понять лишь в том случае, если статью «Современная журналистика» писал Лавров, не считавший возможным говорить о *своем* журнале.³⁴ Если бы статью писал Михайловский, он не мог бы не упомянуть о «Заграничном вестнике» и о том, как с мая 1866 г. совершенно изменилась физиономия этого журнала, и он собственно перестал быть журналом, давая только переводы двух крупных сочинений и упразднив все отделы (с арестом Лаврова официальный редактор Афанасьев-Чужбинский³⁵ не способен был продолжать ведение журнала в лавровском духе).

Наконец, за принадлежность Лаврову статьи о I-м выпуске «Опытов» Спенсера,³⁶ напечатанной в № 9–10 «Книжного вестника» за 1866 г., говорит ссылка на эту статью в следующей статье «Цель и значение классификации наук», несомненно написанной Лавровым. Когда вышли 2-й и 3-й выпуски «Опытов», Лавров опять писал о них в «Женском вестнике» за подписью *П. Миртов*, но уже о всех трех выпусках.

За принадлежность этих трех статей *Михайловскому* Колосов не привел никаких доказательств, а Д. П. Сильчевский,³⁷ на библиографию которого ссылается Колосов, затрудняется указать рецензии Михайловского в «Книжном вестнике» за 1866–1867 гг. (См. в приложении к сборнику в честь Михайловского «На славном посту» библиографию работ Михайловского, составленную Сильчевским.)

Таким образом, беспепелляционное утверждение Витязева, что эти три статьи принадлежат Михайловскому, а не Лаврову, ни на чем не основано.

Высоко чтя добросовестность библиографии Михайловского, составленной Е. Е. Колосовым, я все же не мог его считать непогрешимым и не мог следовать за ним слепо.

Но если бы даже оказалось, что на основании бесспорных данных указанные три статьи принадлежат Михайловскому, то так ли уж велик мой библиографический грех, чтобы вопить о «литературном скандале»? В введении к I тому сочинений Лаврова я привел целый ряд примеров почтенных научных учреждений, и дореволюционных, и послереволюционных, и такого авторитетного журнала, как «Летописи марксизма», которые приписали Лаврову ряд книг и статей, ему не принадлежащих (см. т. I соч. Лаврова, стр. 9 и 10), однако считаю, что скандалистом был бы лишь тот, кто поднял бы по этому поводу вопли о «скандале».

Библиография Лаврова такое трудное дело, что действовать в ней с уверенностью можно лишь опираясь на архивы, где имеются рукописи Лаврова. Архив Лаврова в ИМЭЛ был для меня недоступен, и потому анонимные статьи Лаврова в «Книжном вестнике» и в «Заграничном вестнике» за 1864–1866 гг. были для меня трудной проблемой. Мною составлен указатель произведений, автором которых, *возможно*, является Лавров, из этих журналов, как и из некоторых других, который я предполагал дать в последнем томе соч. Лаврова.

Только благодаря части архива Лаврова, найденной мной случайно в Библиотеке академии наук, я открыл несколько статей Лаврова, о которых нет упоминаний в литературе как о принадлежащих Лаврову (авторство Лаврова установлено на основании авторских отгисков; см. в библиографии I тома № 38, 56 и 88). Только благодаря проверке многих статей «Вперед» по рукописям, хранящимся в архиве «Вперед» при архиве Германской социал-демократии, я мог действовать более уверенно при библио-

графировании «Вперед». Позднее Лавров в большинстве статей в нелегальной печати *подписывал* свои статьи. И они уже не представляли трудностей. Труднее было найти некоторые номера журналов и газет, о которых мне известно, что в них есть статьи Лаврова. Некоторых таких номеров я не нашел до сих пор, и список произведений Лаврова, в них напечатанных, без библиографического описания и без аннотаций, я тоже даю в последнем томе.

Дам я также в последнем томе ряд дополнений и исправлений к ранее вышедшим томам, необходимость которых выявилась для меня в процессе работы, поскольку не удастся внести их своевременно в корректуры. Считаю, что в деле издания Лаврова должна помочь и критика, но не такая, как у Витязева, которая хочет видеть только недостатки, и потому часто их измышляет.

Витязев утверждает, что «совершенно не использована» огромная литература об «Исторических письмах», между тем как главная литература использована (см. стр. 504–506 I тома, № 78).

Витязев утверждает, что в библиографию Лаврова неправильно включены мной «Брока³⁸ и Гент³⁹ и ряд компиляций и рефератов, неизвестно кому принадлежащих» в «Заграничном вестнике», тогда как в предисловии к Броку ясно подписано «Редактор», каковым был Лавров, прочие статьи и предисловие к Гэнту отнесены к Лаврову из-за специального интереса его к антропологическим вопросам.

Заканчиваю указанием, что не считаю свою работу безупречной, но главное в ней — не промахи, а большой *новый* материал, пущенный впервые в научный оборот в «Введениях», примечаниях и приложениях. Дано много нового и важного и в библиографии Лаврова. А прав ли Витязев, что я сделал «все возможное, чтобы испортить первый том Лаврова», об этом пусть скажут другие.

¹ Ошибочно в документе; должно быть: 1934.

² В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» в 4 т. И. Ф. Масанова (подг. к печати Ю. И. Масановым, ред. Б. П. Козьмин. М., 1956–1960) в т. 4 «Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов» на с. 268 между тем читаем: «Жук А. А. сотр. журн. „Современник“ (1865). (Н. И. Утин?) Псевд.: Угрюмов, Ал.». (Как видим, И. Ф. Масанов в данном случае, хотя и ставит под вопрос авторство Н. И. Утина, проявляет солидарность скорее с Витязевым, нежели с Книжником-Ветровым.)

³ Леклерк Жорж-Луи, граф де Бюффон (Leclerc Georges-Louis, Comte de Buffon; 1707–1788), или просто Бюффон — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века. Высказал идею о единстве растительного и животного мира. Араго Доминик Франсуа Жан (Arago Dominique François Jean; 1786–1853) — французский физик и астроном. Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (Humboldt Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander von; 1769–1859) — немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки.

⁴ Антонович Максим Алексеевич (1835–1918) — один из ближайших сотрудников «Современника», литературный критик, публицист, философ.

⁵ Имеется в виду «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами», первые тома которого выходили под редакцией А. А. Краевского (с 1861 года), с 1862 года — под редакцией П. Л. Лаврова.

⁶ Чижигов Лука Алексеевич (1861–1924) — член Одесского библиографического общества, автор книги «Одесские букинисты» (1915) и «Петр Лаврович Лавров. Дополнительные материалы для собрания сочинений» (1915). О нем см.: Лука Алексеевич Чижигов / Сост. Г. Д. Зленко; науч. ред. О. Г. Ласунский. Одесса, 1998.

⁷ Речь идет о Луи Фигье (1819–1894), французском писателе и популяризаторе науки, и его книге «История чудесного в новейшее время» (1859–1862).

⁸ Орлов Николай Николаевич (1898–1965) — библиограф и библиофил.

⁹ Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783–1862) — декабрист, публицист, мемуарист. Автор «Автобиографических записок» (т. 1); см.: Штейнгель В. И. Соч. и письма: В 2 т. Иркутск, 1985.

¹⁰ Шахматный клуб был основан в начале 1862 года. Старшинами Шахматного клуба были П. Л. Лавров и известный журналист и публицист Г. З. Елисеев (псевд. Грицко; 1821–1891). Литературный фонд (официальное название «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым») — общественная организация, учрежденная в 1859 году в Петербурге и прекратившая свою деятельность в первые годы после Октябрьской революции. Подробнее см.:

Корнилов А. А. Происхождение Литературного фонда и первые шаги его деятельности // Юбилейный сборник Литературного фонда 1859–1909. СПб., 1909. С. 6 и след.

¹¹ «Земля и воля» — тайное революционное общество, возникшее в России в 1861 году и существовавшее до 1864 года, с 1876 по 1879 год восстановившееся как народническая организация.

¹² По всей вероятности, речь идет об Александре Ивановиче Розанове (1827–1895) — саратовском священнике, учившемся в свое время вместе с Чернышевским в семинарии.

¹³ Витязев П. [Седенко Ф. И.]. П. Л. Лавров в эпоху 60-х гг. и его статья «Постепенно» // Книга и революция. 1922. № 6 (18). С. 9–15. С этой статьей Книжник был хорошо знаком, известны его отзывы на нее (см.: Звезда. 1925. № 1 (7). С. 114; Книга и революция. 1923. № 3 (27). С. 12–13; Красная газета. 1922. № 169 (1320). 29 июля), а также: *Книжник* *Ив.* 1) П. Л. Лавров: Его жизнь и труды. Л., 1925. С. 28, 114, 131; 2) П. Л. Лавров. 2-е изд., испр. М., 1930. С. 29, 113, 128–130.

¹⁴ Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) — издатель, общественный деятель.

¹⁵ Чуйко Владимир Викторович (1839–1899) — литературный и художественный критик, переводчик.

¹⁶ Жуковский Владимир Иванович (1838–1899) — юрист и общественный деятель.

¹⁷ Жуковский Николай Иванович (1833–1895) — революционер, последователь М. А. Бакунина.

¹⁸ Жданов Семен Романович (1803–1865) — политик, сенатор Российской империи, тайный советник.

¹⁹ Слепцов Александр Александрович (1836–1906) — революционер, один из организаторов и основателей «Земли и воли» 1860-х годов, член ЦК общества. В январе 1863 года выехал за границу, в 1868 году вернулся в Россию, занимался преподаванием и журналистикой.

²⁰ Лемке Михаил Константинович (1872–1923) — историк русской журналистики, цензуры и революционного движения, цензор, редактор. Занимался изучением творчества А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова; в 1915–1916 годах — военный цензор в Ставке Верховного главнокомандующего, в 1920–1921 годах — один из редакторов журнала «Книга и революция». Под его редакцией вышли «Записки и дневник А. Никитенко» (2-е изд. СПб., 1905), Собрание сочинений Н. А. Добролюбова (т. 1–4. СПб., 1911), Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена (т. 1–22, 1915–1925).

²¹ Гулевич Михаил Семенович (ум. 1874) — из дворян, будучи студентом Харьковского университета, принадлежал к кружку Бекмана. В 1861 году был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, за участие в студенческих волнениях арестован и 12 октября заключен в Петропавловскую крепость, откуда 17 октября переведен в Кронштадт; освобожден 6 декабря 1861 года. Член петербургского отдела общества «Земля и воля», куда кроме него входили Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев и А. А. Жук. В 1863 году выехал за границу, член так называемой «Молодой эмиграции» (1862–1864). В 1874 году покончил жизнь самоубийством в Женеве. Лобанов Василий Васильевич (род. ок. 1842), иными сведениями не располагаем.

²² Тиблен Николай Львович (1834–1888) — издатель 1860-х годов, владелец типографии на Васильевском острове в Петербурге (с 1859). В 1862 году осуществил первое полное издание «Горя от ума» и в том же году второе исправленное издание по рукописи А. А. Жандра, правленной автором. Основатель журнала «Современное обозрение». В 1868 году выехал за границу. Впоследствии английский (как Thieblin Nicolas Leon) и американский (как Thieblin Napoleon L.) журналист. Умер в США. Сестра Эмилия была замужем за А. А. Жуком.

²³ Чистович Иларион Алексеевич (1828–1893) — писатель, церковный историк, доктор богословия. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1853 года преподавал психологию и философию. Автор книги «История Санкт-Петербургской духовной академии» (1857), которая была удостоена Академией наук Демидовской премии (1865). За труд «Феофан Прокопович и его время» присуждена Уваровская премия (1868). В 1868 году издал «Курс опытной психологии» (введен в качестве учебника в духовных семинариях), который был удостоен полной премии митрополита Макария. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

²⁴ Имеется в виду: *Карцев В. С., Мазаев М. Н.* Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891.

²⁵ Точное название — «Русская литература в ее современных представителях — И. С. Тургенев» (1875).

²⁶ Ткачев Петр Никитич (1844–1886) — литературный критик и публицист; идеолог якобинского направления в народничестве.

²⁷ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — публицист и литературный критик, ученый-лесовод, участник революционно-демократического движения 1850–1860-х годов.

²⁸ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, социолог, литературовед, критик, переводчик. В 1875–1877 годах в «Отечественных записках» вел ежемесячное научное и литературно-критическое обозрение «Записки профана».

²⁹ Полонский Леонид Александрович (наст. фам. Леливо-Полонский; 1833–1913) — журналист и писатель.

³⁰ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) — публицист и историк, редактор журнала «Вестник Европы», действительный статский советник.

³¹ Колосов Евгений Евгеньевич (псевд. Колари) (1879–1937) — член партии социалистов-революционеров, историк революционного движения в России, при советской власти начиная с 1925 года подвергался репрессиям.

³² «Книжный вестник» — критико-библиографический и книготорговый журнал, выходил в Петербурге 2 раза в месяц в 1860–1867 годах. Основатель — Ю. М. Богусевич. В разные годы редакторами были Н. А. Сеньковский, Н. С. Курочкин.

³³ В библиографическом указателе, составленном Е. К. Сивковой, для статьи «Обозрения журналов „Вестник Европы“, 1866, кн. 1, 2 и 3», опубликованной в «Книжном вестнике» (1866. № 18–19. 15 окт. С. 372–378) без подписи, определено авторство П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров: Библиографический указатель / Отв. ред. Б. С. Итенберг; сост. Е. К. Сивкова. М., 1987. С. 20).

³⁴ В указателе Е. К. Сивковой о статьях «Современная журналистика», напечатанных в «Книжном вестнике» (1866. № 21–22. 15 нояб. С. 416–420 (статья первая); № 23–24. 30 дек. С. 455–459 (статья вторая); обе — без подписи), находим, что они принадлежат перу П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров: Библиографический указатель. С. 20).

³⁵ Афанасьев-Чужбинский (наст. фам. Афанасьев) Александр Степанович (1816–1875) — русский и украинский поэт, писатель, этнограф, переводчик с польского и французского языков. «Заграничный вестник» редактировал в 1864–1867 годах.

³⁶ Спенсер Герберт (Spencer Herbert; 1820–1903) — английский философ и социолог. Имеются в виду его «Опыты научные, политические и философские».

³⁷ Сильчевский Дмитрий Петрович (1851–1919) — библиограф.

³⁸ Речь идет о Поле Брока (Paul Pierre Broca; 1824–1880) — французском хирурге, анатоме и антропологе, этнографе. Основал Общество антропологии в Париже (1859) и журнал «Антропологическое обозрение» («Revue d'anthropologie», 1872), а также музей и школу.

³⁹ Возможно, имеется в виду Джордж Уорд Гэнт (Hunt; 1825–1877) — английский государственный деятель, в 1857 году избран членом палаты общин, где примкнул к консерваторам; в 1868 году был канцлером казначейства.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-201-215

А. М. РЕМИЗОВ. «ФИГЛИ-МИГЛИ». «ГОРОСКОП»

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. С. УРЮПИНОЙ)*

Рукописи рассказов А. М. Ремизова «Гороскоп» и «Фигли-Мигли» поступили в отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) в 2012 году, в составе архивных материалов писателя, хранившихся в семье его литературной ученицы и близкого друга Натальи Викторовны Резниковой. «Гороскоп» был обнаружен среди глав, не вошедших в окончательную редакцию произведения «Петербургский буерак», а «Фигли-мигли» — в россыпи произведений малых жанров. По своему содержанию, стилю и композиции эти рассказы явно примыкают к комплексу «взаимопроникаемых»¹ коротких миниатюр, пользуясь авторским определением, «интермедии» Ремизова «Мышкина дудочка» (1953), сформированной из отдельных малых прозаических форм на основе принципа «курметража» (от фр. court-métrage — короткометражка).²

* Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда: проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е — 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

¹ Впервые на «взаимопроникаемость» мира «Мышкиной дудочки» указал критик Ю. Терапиано в рецензии на отдельное издание произведения (Новое русское слово. 1953. 14 июня. № 15023. С. 3).

² Ремизов А. М. Мышкина дудочка // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 3–172.